

ПРОСТРАНСТВО КАК АДМИНИСТРАТИВНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Рафаэль Сибгатович Хакимов,
Институт истории Академии наук Татарстана,
Россия, 420015, Казань, Кремль, подъезд 5,
rafh@mail.ru

Пространство представлено в историческом контексте с точки зрения его инвариантности во времени. Рассматривается многообразие пространства как административной категории, в которую оказываются включенными этнические, экономические, климатические, географические элементы. Отмечается роль исторического пространства России для современного федеративного устройства государства.

Ключевые слова: пространство, время, исторические категории, Россия.

Пространство и время – это не только математически отвлеченные категории, это социальная среда. В первобытном обществе это выражено явным образом. Сами поселения приобретали пространную форму, соответствующую социальным отношениям: каждый клан имел свое место в племени и на его территории. В тюркских каганатах существовали политические категории – как правая и левая сторона. В мифологии пространство имело свое деление на четыре стороны света, потусторонний мир, верх / низ и т.д.

Влияние пространства на исторические процессы хорошо продемонстрировал в своих работах Фернан Бродель: «Человек – пленник своего времени, климата, растительного и животного мира, культуры, равновесия между ним и средой, создаваемого в течение столетий, равновесия, которого он не может нарушить, не рискуя многое потерять, – пишет он. – Посмотрите на сезонные перегоны овец в горы, характерные для жизни горцев, на постоянство некоторых экономических форм деятельности жителей приморских районов, связанное с биологическими особенностями побережья, взгляните на устойчивость местоположения городов, на постоянство путей сообщения и торговли, на удивительную прочность географических рамок цивилизации» [1: 119]. Не углубляясь в историко-антропологический аспект этого вопроса, рассмотрим действие этих категорий в современной России, причем с уклоном на идеологические характеристики.

Над Россией довлеет огромное пространство. Это беда России. Политики и публицисты любят указывать на количественную сторону русских просторов, будто в этом можно увидеть некое преимущество. На самом деле избыточное

пространство, как монстр, диктует формы жизни, а вслед за этим – архитектуру власти. Николай Бердяев утверждал, что «русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а поработачивает ее... Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней» [2: 325]. Образность языка Бердяева не мешает ему быть точным в оценке влияния пространства на сущностные характеристики государства. Если под пространством иметь в виду не только размеры, но также ландшафт, тогда значение этой категории усилится многократно, ибо вступит в силу не только количественная, но и качественная характеристика пространства, не только ширь территории, но и разнообразие ландшафта.

В научной литературе под пространством, как правило, понимают государственную территорию или же географическое расположение. Политики часто рассматривают территорию как гомогенную ширь, они хотят все начать с чистого листа, будто не было у отдельных административных территорий своей истории, своего лица. При этом идеи, связанные с делением субъектов на республики и области, у многих политиков вызывают искреннее удивление, ведь, казалось бы, проще всех сделать одинаковыми, объявить одним народом. Им трудно понять, почему люди мигрируют с Дальнего Востока или Севера в европейскую часть страны, если везде и всюду Россия.

Государственность для политиков предстает как поле для экспериментов, а не историческая данность. Они могут рассуждать об ошибках большевиков, которые якобы позволили народам создавать республики и ввели федерализм, в то время как нужно было всех сделать равными по статусу, языку и культуре.

В пример приводится монархическая Россия с якобы единым губернским делением, унитарным строем, централизованным управлением. Мало кто задумывается о реальной системе управления Российской империей, которая была ассиметричной. Побывавший в России француз Кюстин свидетельствует о своем разговоре с императором на балу: «Вы полагаете, что вы среди русских, □ сказал Государь в этом разговоре, указывая на окружающих. □ Вы ошибаетесь: вот это – немец, это – поляк, это – грузин, там – финляндец, этот – татарин... И все вместе и есть Россия» [3: 34]. Понимание этнического разнообразия в России существовало, но до сегодняшнего дня не было и нет адекватного государственного устройства. Монархи, в отличие от многих современных политиков, понимали значение культурного и географического разнообразия страны, но у них не хватило политической воли, чтобы перейти к федеративному устройству, которое могло спасти страну от распада. Большевики федеративное устройство объявили вынужденно, тем самым приостановив распад страны, а затем попытались восстановить и даже расширить былую экспансию вширь. После Второй мировой войны, во времена торжества социалистического лагеря, сфера влияния СССР была соизмерима с империей Чингисхана. Но имперский соблазн, постепенно овладевая мессианским сознанием (если воспользоваться словами Н.Бердяева [4: 20]), вновь завел страну в исторический тупик. Тоталитарный режим столкнулся с диктатурой пространства, и победа осталась за природой. Страна в очередной раз распалась. Мессианская политическая воля будет вновь и вновь побежденной, пока государственное устройство не будет приведено в соответствие с географическим и культурным многообразием страны.

Понятие пространства как территории, в силу наличия границ в развитом обществе, приобретает государственно-административный характер. В принципе, речь должна идти о целом ряде границ, которые могут накладываться друг на друга, а могут не совпадать. Административные границы не совпадают с этническими или религиозными, экономические границы имеют свои очертания, как и культурные. Рассмотрим административную территорию России, но не в политико-правовом аспекте, а как историческую категорию.

Понятие границы указывает на различие миров – нашего и потустороннего, религиозного

и светского, территории сообщества или государства, общин, кланов, преступных групп и т.д. Это граница дня и ночи, сезонов, хозяйственных циклов, возрастных изменений. Граница может материализоваться в виде государственной границы или климатической зоны, но может существовать и как ментальная граница. Это понятие применимо к большому классу явлений. «Граница выявляет разные вещи, – пишет Бурдьё, – и само различие «через произвольное установление», как говорил Лейбниц, используя «*exinstituto*» схоластики, акта сугубо магического, который предполагает и производит коллективное верование, т.е. сокрытие собственного произвола. Граница отделяет вещи друг от друга через абсолютное различие, которое можно преодолеть лишь другим магическим актом – ритуальным нарушением. *Natura non facit saltus**: именно магия *институции*, установления, привносит в природный континуум эту сеть отношений биологического родства или мир природы, разрыв, разделение, *nomos*, границу, создающую группу и ее особенные обычаи» [5: 406]. Культура определяет пространство собственного мира, проводит ту черту, преодоление которой воспринимается как переход в другой мир. Порог становится местом несуществования, небытия, где меняется знак всякой вещи. Любое сообщество стремится сохранить свои границы, т.е. свою сущность, пугаясь «ничего», находящегося за порогом. Граница – это то место, где происходит борьба, реальная или символическая, при этом магия, ритуалы, обычаи или экономические законы, юридические нормы направлены на безболезненное преодоление порога.

Административные границы не появляются произвольно, хотя элемент волонтаризма или рационализма, целенаправленного государственного строительства всегда присутствует.

Исторически границы могли совпадать с ландшафтом и этническим расселением, но могли возникать по другим основаниям. Существуют довольно устойчивые представления о кочевниках как о своего рода разросшихся бандах, не знавших нормальных законов. В такой трактовке кочевой культуры остается неясным, как же смогли кочевники создать величайшие по размерам и значению в мировой истории государства. Как могли дикие – притом немногочисленные – кочевники создать такие державы, как Тюркский каганат

* «Природа не знает разрывов» (Лейбниц, *лат.*).

или империя Чингисхана, соединившие Восток с Западом. Откуда появились сотни городов, если кочевники – разрушители и грабители? Кочевая культура предполагала в качестве дополнения земледельческую культуру и города, в которых сосредоточивалась торговля и высокая культура.

Тюрки в период своего формирования, скорее всего, сочетали земледелие с полукочевым образом жизни, и лишь потом отдельные их племена стали чисто кочевыми. «Кочевничество, – писал Лев Гумилев, – это явление мирового масштаба, существовавшее около трех тысячелетий. Возникло оно как способ приспособления человека к изменившейся природной обстановке и точно по тем же причинам на наших глазах исчезает» [6: 512]. В определенный период истории (точнее – в I тысячелетии до н. э.), связанный с глобальными климатическими изменениями, некоторые племена переходят к кочевому или полукочевому образу жизни, но в языке сохраняется память об изначальных формах жизни. В тюркских наречиях дом всегда означал постоянное жилище (в отличие от юрты). «Шатер – это временное жилище, которое кочевые тюрки сооружали в местах своих летних кочевков. Дом – это постоянное жилище оседлых тюрков. Здания же, расположенные вокруг дома, древние тюрки обозначали словом "bark"», – пишет Садри Максуди [7: 37]. Слово *барак* в качестве дома в русском языке сохранилось до сегодняшнего дня.

Кочевое хозяйство привязано к пастбищам, а вся остальная жизнь подстраивается под наличие или отсутствие корма для скота, лошадей, волов. Именно нехватка пастбищ спровоцировала Великое переселение народов. Ряд привычных для нас понятий, выработанных с европейской точки зрения, приобретает иное содержание применительно к кочевой культуре. Очевидно, что у кочевников существовала иерархическая система управления, которая опиралась не только на силу, но и на выработку общего решения. Трудно назвать выборы хана демократичными, но его власть зависела от воли основных кланов. Они как представители «земли» провозглашали хана, ограничивали его власть, а при необходимости могли его свергнуть, объявив, что хан заболел и умер. Для существования государства, как известно, необходимо собирать налоги. В содержании армии был заинтересован весь народ, поскольку нужно было оберегать границы пастбищ от покушения как внутри государства, так и извне

от других стран. Таким образом, иерархическая структура – это внутренняя потребность, исходящая из необходимости стабильности в ведении хозяйства.

Понятие налогов в кочевом государстве также было своеобразно: из-за постоянных (или сезонных) перемещений трудно не столько пересчитать людей, сколько собрать с них налог, а потому легче требовать единовременной «дани» с вождя племени или предводителя клана, и, следовательно, административной структурой становится не территория как место оседлости, а «земля» – как место кочевья племени или союза племен. С этим же тесно связан вопрос комплектации общегосударственной армии, которая складывается из отдельных клановых групп. Предводитель клана (бек) возглавляет собственную армию, которая становится составной частью общегосударственной при объявлении того или иного похода на большом совете – курултае. У кочевников не существует регулярной или наемной армии в европейском смысле слова. Весь народ и есть армия. Каждый клан самостоятельно вооружает и обучает воинов. Подготовка к войне – это образ жизни. В своей остаточной, рудиментарной форме это можно было наблюдать у казаков в царской России.

Кочевая империя в своей развитой форме включает множество городов и другого оседлого населения, прежде всего земледельцев, причем земледелие или городская жизнь не были случайностью или приложением к основному типу хозяйства: в Золотой Орде основной статьей экспорта была пшеница, а торговля была основным фактором расцвета экономики и государства. Кочевая составляющая империи являлась таковой в силу иных причин: армии гуннов, тюрков, татаро-монгол состояли из конницы, а потому они формировались в степи, и вожди кланов как военачальники определяли стратегию страны, ее безопасность и, в конечном счете, характер правления. В Золотой Орде улус как административная единица соответствовал войсковому тумену (10 тыс. корпус), поэтому правитель улуса имел ранг темника.

Сочетание кочевой и оседлой культур породило своеобразную административную структуру Золотой Орды. «Условно можно считать, – пишет Вадим Трепавлов, – что военные дела и связанная с ними улусно-удельная система находились в ведении беклярибека и иерархически подчиненных ему трех карачибеков; невоенными делами (прежде

всего, финансовыми) ведали *везир* и подчинявшаяся ему канцелярия – *диван*. Другими словами, кочевые жители Золотой Орды находились в основном под надзором беклярибека, а оседлые – везира» [8: 183]. В соответствии с таким делением беки как главы кланов проводили основное время в перекочевках, а чиновничество размещалось в городах, где велись записи сборов и расходов. Городским и сельским оседлым населением управлял наместник-даругачи.

Каждый улус имел «две формы бытия – территорию и народ. Пространство кочевания обозначалось *нутаг* (монг.) или *юрт* (тюрк.), население – *ирген* (монг.) или *эль, иль* (тюрк.) Вместе *нутаг / юрт* и *ирген / эль* и образовывали улус» [8: 185]. Государство делилось на четыре провинции – улусбекства.

Очевидно, при таких пространствах, как в Тюркском каганате, в империи Чингисхана, Золотой Орде, не могло быть системы контроля над исполнением законов, распоряжений хана или решений курултая. Должна была существовать законопослушная структура, в которой угроза наказания занимала далеко не главное место. От суда, наказания или мести при наличии Великой Степи всегда можно было «уйти в казаки». Тюрки связывали возникновение закона с Небом, божествами, и потому правовые предписания для них были незыблемы. Правитель был всего лишь передатчиком этих законов, посредником между Небом и людьми. «Тюрки (как и монголы), – пишет Роман Почекаев, – опасались нарушать законы не только потому, что им грозило наказание – вплоть до смертной казни, – но из-за боязни небесной кары... Небесная кара могла обрушиться не только на нарушителя, но и на представителей его семейства, рода или просто окружающих. Собственно, именно поэтому, не желая допускать тяжких последствий, тюрки и монголы стремились сурово наказать нарушителя сами, пока Небо не обрушило свое наказание также и на невиновных» [9: 20]. После Чингисхана следование его предписаниям было также обязательным. Повлияла харизма, величие Великого хана, но не меньшее значение имело то, что он следовал предписаниям Неба. Конечно, последующие изменения в политической ситуации, государственной структуре способствовали обновлению правового регулирования в Золотой Орде из-за усиления значимости оседлого населения, укрепления законов шариата, появления ханских ярлыков, которые выполняли функцию распоряжений, но элемент сакральности законов сохранялся. Так,

один из ярлыков Джанибек-хана начинается словами: «Предвечного бога силою, великого гения-хранителя покровительством» [10: 119]. На печати великого хана Гуюка, поставленной на послании папе Иннокентию IV (1246 г.), было написано: «Силою вечного Неба беспредельной великой Монгольской державы хана ярлык» [11: 65]. Такая сакральность власти обеспечивала законопослушность населения¹ [12: 133]. Это особенно было значимо на больших пространствах, где было сложно наладить эффективный контроль исполнения законов и ярлыков.

Другой элемент, обеспечивавший исполнительскую дисциплину, состоял в том, что законодательство учитывало традиции и обычаи населения конкретной территории, а потому золотоордынское право сочетало в себе обычное право (торё, адат) конкретных народов, шариат и «имперское» право, т.е. наследие Чингисхана в сочетании с ярлыками ханов [9: 43]. Такая правовая мозаика может показаться архаичной или непривычной для европейского мышления, но именно приближенность законов к интересам «земли», т.е. народов и племен, а

¹ Такая сакральность законов не была исключительным свойством татарской истории. Серж Московичи пишет: «Так в большинстве цивилизаций Индии, Египта, в Иудее, даже в Риме законы имели священный характер, а жрецы вершили правосудие. Даже там, где оно осуществлялось собраниями племени или народа, считалось, что законы исходят от бога или основываются на незыблемой традиции. Виновные подвергались наказанию за нанесение ущерба сообществу: посягательство на нравы, оскорбление религии, неуважение власти и т.д. Это находит подтверждение в Библии, в римских законах Двенадцати таблиц, у германских племен. В Афинах Сократ был осужден за глумление над богами и растление юношества. Предписания и запреты непререкаемы. Они не оставляют возможности ни для какой индивидуальной интерпретации. Требование единодушного согласия никому не позволяет считать себя свободным от них. Ницше так сформулировал императив, который каждый обязан принять как свой собственный: “Ты будешь подчиняться, неважно зачем, долгое время, иначе ты погибнешь, ты потеряешь все уважение к себе самому”. За недостатком такого подчинения позитивные свойства сознания улетучиваются, и в единстве сообщества образуется трещина. Сомнение зигзагами прокладывает себе дорогу и компрометирует моральную силу правил. Так происходит во всех конфессиональных обществах, которые цементируются одной доктриной, требующей всеобщего и полного согласия» [12:133].

также их иерархизированность, позволяли сохранять порядок и стабильность на огромных пространствах.

Клановая структура, сложившаяся еще в Тюркском каганате, укрепившаяся в Золотой Орде, сохранилась в татарских ханствах постзолотоордынского периода. Ведущие кланы и курултай (собор) определяли основную политическую конфигурацию. Хан не мог править без согласия кланов, и всей властной верхушке надо было, хотя бы номинально, но получить одобрение курултая. В 551 г. Бумын был поднят на белой кошме вождями четырех кланов и провозглашен первым каганом Тюркского Эля. Основатель османской династии Осман бей был избран ханом точно так же. По преданию, собрались огузы, все беи и управители страны. Они пришли к Осману и держали совет: «Сейчас нам нечего ждать помощи от Сельджукидов. Они потеряли большую часть своих территорий, и их победили татары... Вы достойны того, чтобы быть ханом, в вас есть величие. Необходимо единодушие в этом... Мы будем вам подчиняться, признавать вашу власть и воевать на вашей стороне в этих краях» [7: 220]. Так началась история Османской империи.

Великие ханы Монгольской империи, золотоордынские и казанские ханы – все были выборными. В соответствии с традицией, четыре человека, взявшись за концы золотой кошмы, поднимали их под радостные возгласы присутствовавших при обряде и говорили: «Смотри вверх и познай бога, и смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь. Если ты будешь хорошо управлять своим царством, будешь щедр и будешь поступать справедливо и почитать каждого из князей соответственно его рангу, то будешь царствовать во славу, весь мир преклонится перед твоим правлением и господь пошлет тебе все, что ты пожелаешь в сердце своем. Но если ты будешь делать противное, то будешь несчастен, отвержен и беден так, что этот войлок, на котором ты сидишь, не будет оставлен тебе». После этих слов коронуемого принца и его жену сажали на войлок и вместе с ними обоими, сидящими там, поднимали войлок вверх несколько раз и громогласными криками провозглашали: «Император и императрица всех татар» [13: 219]. Как пишет Плано Карпини, побывавший в 1246 г. на выборах Гуюка, церемония интронизации великого хана происходила в специально возведенном по такому случаю шатре, который назывался «Золотой Ордой». Число *четыре* довольно регулярно всплывает в исторических хрониках,

хотя события в Тюркском каганате, Золотой Орде и Османской империи происходили в разное время и на разных просторах. Видимо, это связано с представлениями о четырех концах света, характерных для тюрков.

Политическая структура Золотой Орды содержала в себе внутренние противоречия, не позволившие ей трансформироваться со временем в более гибкие формы управления. С одной стороны, выдвигались активные политические фигуры, особенно степные вожди, такие как Ногай, Идегей, Мамай, с другой – существовало наследственное право, являющееся сдерживающим фактором в продвижении наиболее талантливых государственных мужей во властных структурах. Наследники Бату-хана размножались, составляли различные партии и оказывались втянутыми в политические интриги. Во времена «Великой замятни» смена на ханском троне происходила почти ежегодно. «Как ни парадоксально, – пишет Р.Ю.Почекаев, – но эти смены также объяснялись причинами легитимного характера: однажды признав власть представителя одной из ветвей Джучидов, население Золотой Орды тем самым открыло путь к власти всем представителям указанных семейств. Вот почему на протяжении 1362-1380 гг. за власть боролось столько потомков Бату (законные ханы) и Тука-Тимура (преемники Кара-Ногай и Орду-Мелика). Попеременно занимая трон Сарая, все они номинально считались одинаково легитимными – и в глазах собственных подданных, и в глазах вассалов, в частности русских князей, которые чаще признавали власть ханов Сарая, даже если они были менее могущественны, чем, например, ханы «Мамаевой Орды», которые в соответствующий период Сарая не владели» [14: 48]. Политические противоречия, которые усилились в связи с эпидемией чумы и изменением торговых путей на евразийском пространстве, предопределили падение Золотой Орды.

Золотоордынские традиции не сразу исчезли из политической культуры, они продолжали существовать вплоть до реформ Петра I. Исчезает ли потребность в клановой структуре вместе с исчезновением кочевой культуры? Казалось бы, ответ очевиден. Оседлая цивилизация совершенно иная. Особенно это ярко выразилось в крепостничестве, при котором крестьянин был прикреплен к земле. Но не стоит торопиться с выводами. Кроме хозяйственного устройства, на политику России влияло и пространство, оно диктовало свои законы. Опыт Российской империи показывает, что клановая система оказалась не просто живучей, но необходимой – в

силу огромных пространств, различий в географии, экономике и культуре, отсутствия эффективных средств коммуникации. Понятие управляемости страной при крайней отдаленности Урала, Дальнего Востока, Туркестана, Кавказа и т.д. от Петербурга даже при наличии железной дороги приобретало специфический характер. Проконтролировать такую территорию из единого центра можно было исключительно на особых принципах клановой структуры, когда проверялось не исполнение законов, а преданность (порой личная преданность) царю и Отечеству.

Ставшее расхожим в современном политическом лексиконе понятие клановых отношений чаще всего рассматривается как мафиозность, групповщина, полузаконность. Однако с точки зрения кочевой культуры, огромных империй, объединявших степь, реки, лесостепи, предгорья и отчасти леса, клановая система управления была необходимостью, и она доказала свою эффективность. Но эта система не могла бы существовать как легитимная и стабильная, если бы не была освящена высшей справедливостью, т.е. Небом в случае торё и именем Чингисхана в случае «Великой Ясы». Элемент сакральности являлся своего рода тормозом на пути от клановости к мафиозности.

Современная клановая система коренным образом отличается от золотоордынской системы и не имеет своего оправдания с политической точки зрения. Она существует и будет существовать, пока на смену ей не придет реальный федерализм.

Литература

1. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории.* М.: РИО БГК им.И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 115-142.
2. *Бердяев Н.* Философия свободы. Харьков: «Фолио»; М.: «АСТ», 2002. 733 с.
3. *Салтыков А.* Две России. Национально-психологические очерки. Мюнхен: Милавида, 1922. 122 с.
4. *Бердяев Н.* Русская идея. Харьков: «Фолио»; М.: «АСТ», 2002. 617 с.
5. *Бурдые П.* Практический смысл. СПб: «АЛТЕТЭЙЯ»; М: «Институт экспериментальной социологии», 2001. 562 с.
6. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. М.: Экспрос, 1993. 576 с.
7. *Садри Максуди А.* Тюркская история и право. Казань: «Фэн», 2002. 411 с.
8. История татар с древнейших времен: В 7-ми т. Т.III.Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. 1055 с.
9. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. 260 с.
10. *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб.; СПбГУ, 2002. 276 с.
11. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М.: Восточная литература, 1993. 168 с.
12. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
13. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. 287 с.
14. *Почекаев Р.Ю.* К вопросу о переходе власти в государствах Чингизидов // *Золотоордынская цивилизация.* Вып.2. Казань: «Фэн» АН РТ, 2009. С. 39-48.

